

КОММУНИКАТИВНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИКАЗА

А. А. Романов, О. В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь, Россия

В статье рассматривается многоаспектная категория коммуникативной справедливости как самостоятельный когнитивный феномен, который проявляется в интерактивном взаимодействии и оказывает воздействие на речевое поведение партнеров по общению. Использование прагматического подхода к диалогу позволило выделить два типа высказываний: коммуникативно справедливые и коммуникативно несправедливые (на примере высказываний со значением приказа).

Ключевые слова: коммуникативная справедливость, пресуппозиция, фрейм, речевое действие, приказ.

COMMUNICATIVE FAIRNESS OF STATEMENTS WITH THE MEANING OF ORDER

A. A. Romanov, O. V. Novoselova

Tver State Agricultural Academy, Tver, Russia

The article deals with the category of communicative fairness as a cognitive phenomenon that is manifested in social interaction and affects the verbal behavior of communication partners. The use of the pragmatic approach to the dialogue allows us to distinguish two types of statements: communicatively fair and communicatively unfair (for example, statements with the meaning of order).

Keywords: communicative fairness, presupposition, frame, speech act, order.

В настоящее время на фоне повышенного интереса к когнитивному аспекту языка выявление сущности языковых и коммуникативных категорий в ментальном пространстве носителей языка является актуальным и перспективным направлением лингвистических исследований. Действительно, описание коммуникативных категорий как упорядоченной системы знаний и ментальных представлений участников диалога о языковых единицах и особенностях их функционирования в интерактивном пространстве диалога позволяет обобщить опыт описания коммуникативного поведения говорящей личности, проанализировать и классифицировать «поток жизненных событий и встреч с определенными предметными областями и интерактивными сферами» [Романова, 2009: С. 16–17].

В этом плане представляется перспективным обратить внимание на многоаспект-

ную категорию коммуникативной справедливости и рассмотреть ее как самостоятельный когнитивный феномен [см. также: Новоселова, 2015; 2015а], проявляющийся в интерактивном взаимодействии и оказывающий воздействие на речевое поведение партнеров по общению. Конечно, возможно предположить, что нет необходимости в выделении данной коммуникативной категории, так как в лингвистике уже изучено достаточное количество категорий, регулирующих межличностные, внутрикультурные и межкультурные отношения участников диалога. Однако, если в социальной интеракции возможны утверждения типа: рус. (1) Княжна Марья тяжело вздохнула и этим вздохом признала справедливость слов Наташи (Толстой, 1991); рус. (2) ... этот человек оглох навсегда для всякого справедливого слова (Шукшин, 1982: 356) и др. [см. больше примеров: Новоселова, 2016а], то мы вправе

заклучить, что категория коммуникативной справедливости применима к прагматической оценке вклада в диалог того или иного собеседника и, следовательно, представления собеседников о коммуникативной справедливости оказывают определенное влияние на интенциональность высказываний (или: дискурсивных практик, речевых действий), интенсивность их прагматического воздействия и эффективность.

Иначе говоря, для комплексного описания проявления категории коммуникативной справедливости в социальной интеракции необходимо определить ее содержательный объем и выявить механизм интерпретации высказываний различной прагматической направленности с позиций данной категории. При этом важно не путать категорию коммуникативной справедливости с категориальной сущностью справедливости в ряде других гуманитарных наук, философии, политологии и социологии, так как коммуникативная справедливость представляет собой универсальную коммуникативную категорию, маркируемую системой речевых действий, основанных на учете собеседниками комплекса следующих факторов:

- 1) организации коммуникативного поведения,
- 2) иллокутивных характеристик высказывания,
- 3) средств поверхностной манифестации высказывания,
- 4) семантических свойств высказывания,
- 5) пресуппозиционных параметров высказывания и их функциональных условий реализации [подробнее о пресуппозиции и функциональных условиях [см.: Романов, 1988], а также
- 6) прагматических характеристик высказывания.

Отсюда следует, что под коммуникативно справедливыми высказываниями будем понимать такие высказывания, в которых происходит адекватная реализация интерактивной (фреймообразующей) функции иллокутивного потенциала и типичных каузальных цепочек типового фрейма на основе комплексного учета собеседниками функциональных условий и психо-социального контекста [см. также: Новоселова, 2015; 2015а; 2016; Романов, Новоселова, 2016]. То есть коммуникативно справедливые высказывания являются социально и коммуникативно приемлемыми, узнаваемыми и ожидаемыми (оправданными) в тех или иных пресуппозиционных условиях действительности. В том случае, если в высказывании

какой-либо из указанных факторов будет отсутствовать или представленные партнером основания окажутся недостаточными, то оно может оказаться для партнера коммуникативно несправедливым. Примечательно, что такое несоответствие не меняет интенциональную направленность высказывания со значением приказа, но выдвигает на первый план те или иные функциональные условия реализации иллокутивного потенциала приказа, нивелируя при этом ряд других прагматических факторов.

Становится понятным, что в интерактивном взаимодействии считается коммуникативно справедливым учитывать объективные факторы действительности и отдавать им приоритет даже в тех случаях, когда это будет причиной возникновения некомфортного состояния партнеров по общению. В этом плане отказ от введения собеседника в состояние дискомфорта, проявляющийся, например, в выражении жалости или желаниия умолчать известные факты также станет причиной несправедливой коммуникативной практики, так как говорящий для ее реализации будет вынужден скрыть известные ему пресуппозиционные условия действительности и изменить содержание и интенциональную направленность своего высказывания. Важно иметь в виду, что и преднамеренные реплики инициатора, способствующие возникновению дискомфортного эмоционального состояния у собеседника и необоснованно нагнетающие обстановку, будут также считаться коммуникативно несправедливыми.

Важно обратить внимание и на то, что категория справедливости не отождествляется ни с этикетной составляющей социальной коммуникации, ни с субъективными представлениями собеседников о ходе диалога, так как она не столько оправдывает факт функционирования тех или иных прагматических типов высказываний в социальной практике, как объясняет их появление в определенном контексте социального взаимодействия и позволяет скорректировать поведение собеседников таким образом, что бы избежать коммуникативного рассогласования или сбоя.

По всей вероятности, представляется коммуникативно справедливым использовать, например, высказывания со значением просьбы для того, что бы побудить / каузировать собеседника выполнить какое-либо действие в интересах адресанта [подробнее см.: Романов, 1979: С. 112–120; 2005: С. 37, 56] и коммуникативно несправедливым использовать для этой же цели высказывания

со значением угрозы или приказа. Однако, высказывания со значением просьбы могут содержать указание на каузируемое действие, которое адресат не в состоянии выполнить, или они могут быть обращены к собеседнику, который заведомо для автора просьбы не сможет ее выполнить. Следовательно, не все высказывания со значением просьбы можно оценить как коммуникативно приемлемые и справедливые по отношению к собеседникам в определенной ситуации.

Кроме того, необходимо учитывать, что любое речевое действие, соотносимое с «планом стратегической реализации конкретной коммуникативной задачи» [Романов, 1988: С. 53], не может являться коммуникативно справедливым или несправедливым априори, так как установить коммуникативную справедливость представляется возможным только в момент реализации высказывания в диалоге, учитывая при этом стратегическую направленность речевых действий собеседников. В частности, коммуникативная справедливость высказываний со значением приказа может быть определена только в момент реализации такого высказывания в условиях социальной интеракции, в той или иной типовой ситуации диалогического взаимодействия, обусловленной пресуппозиционными факторами действительности.

Так, в ряде пресуппозиционных условий (чаще всего в сфере профессионального взаимодействия) высказывания со значением приказа могут являться единственной возможностью для их адресанта, обладающего определенным социально-ролевым статусом, реализовать свое коммуникативное намерение, но также данный директивный тип высказываний может быть субъективным желанием адресанта воздействовать на собеседника, каузивовав его к совершению каких-либо действий, без учета социально-ролевых отношений между ними.

Например, в следующем дискурсивном отрывке (1) имеем дело с коммуникативно справедливым высказыванием со значением приказа:

Er kommandiert:

– Zwanzig Schritt zurück, marsch, marsch!
(1')

In mir sitzt die dumpfe Wut. Aber ich kann nichts gegen ihn machen, er läßt mich sofort festnehmen, wenn er will. So spritze ich zurück, gehe vor und zucke sechs Meter vor ihm zu einem zackigen Gruß zusammen, den ich erst wegnehme, als ich sechs Meter hinter ihm bin.

Er ruft mich wieder heran und gibt mir jetzt leutselig bekannt, daß er noch einmal Gnade vor Recht ergehen lassen will. Ich zeige mich stramm dankbar.

– Wegtreten! – kommandiert er. (2')

Ich knalle die Wendung und ziehe ab (Remarque, 2017).

Как видно из приведенного выше примера, автор высказывания со значением приказа обладает социальным статусом для его реализации в рассматриваемой ситуации, о чем также известно его собеседнику. Адресат приказа, сопоставив свое нежелание выполнять каузируемые действия и невозможность отказаться от их выполнения без наступления негативных последствий, выполняет требуемые действия в интересах адресанта. То есть, высказывание со значением приказа вводит адресата в эмоциональное состояние дискомфорта, но в силу социально-ролевого статуса он выполняет приказ и не выходит за рамки типового фрейма «приказ», что способствует успешному завершению взаимодействия.

Иная ситуация наблюдается в диалогическом отрывке (2), состоящем из последовательной реализации коммуникативно несправедливых высказываний со значением приказа (1''), (3') и (5'):

(5) Auch Himmelstoß ist nun entfesselt:

– Was willst du Mistköter, du dreckiger Torfdeubel? (1') Stehen Sie auf, Knochen zusammen, wenn ein Vorgesetzter mit Ihnen spricht! (1'')

Tjaden winkt großartig.

– Sie können rühren, Himmelstoß. Wegtreten. (2')

Himmelstoß ist ein tobendes Exerzierreglement. Der Kaiser könnte nicht beleidigter sein. Er heult:

– Tjaden, ich befehle Ihnen dienstlich: Stehen Sie auf! (3')

– Sonst noch was? – fragt Tjaden. (4')

– Wollen Sie meinem Befehl Folge leisten oder nicht? (5')

Tjaden erwidert gelassen und abschließend, ohne es zu wissen, mit dem bekanntesten Klassikerzitat. Gleichzeitig lüftet er seine Kehrseite.

Himmelstoß stürmt davon:

– Sie kommen vors Kriegsgericht! (6')

Wir sehen ihn in der Richtung zur Schreibstube verschwinden (Remarque, 2017).

Примечательным в данном примере является то, что социально-ролевые отношения между собеседниками изменились, так как изменилась ситуация их взаимодействия. Однако, автор высказываний со значе-

нием приказа (1''), (3') и (5') не учитывает новые пресуппозициональные условия действительности и пытается скорректировать взаимодействие, заключив его в рамки типового фрейма «приказ». Адресаты таких приказов оценивают направленные в их адрес сообщения как коммуникативно несправедливые, так как они не приемлемы в рассматриваемой ситуации взаимодействия. В результате коммуникативно несправедливые приказы (1''), (3') и (5') оказываются прагматически неэффективными для его автора, который вынужден снижать их категоричность: так адресант формулирует в высказывании (1'') четкое указание на совершение действий в форме приказа, в высказывании (3') он уточняет интенциональность своего сообщения-приказа (*ich befehle Ihnen dienstlich*) для собеседников, а в высказывании (5') проявляется его сомнение в своей способности каузировать адресатов и в том, что они выполнят его приказ.

Итак, эмпирический материал показывает, что высказывания со значением приказа, употребленные в пресуппозициональных условиях, которые допускают их использование говорящим в силу его социально-ролевого статуса, являются коммуникативно справедливыми, в то время как преднамеренный отказ адресанта от реализации высказывания-приказа как от типового фрейма взаимодействия будет оценен как неприемлемое и коммуникативно несправедливое воздействие. Наоборот, реализация высказывания со значением приказа собеседником, не обладающим определенным социальным статусом, будет оценена как недопустимое и, следовательно, коммуникативно несправедливое воздействие. Другими словами, коммуникативно несправедливые высказывания со значением приказа загоняют адресата в рамки размытого фрейма «приказ» и такую «дискурсивную деятельность трудно назвать «чистой», «надежной» и «последовательной» или «правильной» [Романов, 2004: С. 18], т.е. точной, адекватной – максимально приближенной к задаваемому образцу (норме или типовой фреймовой конфигурации).

Тем не менее, при оценке высказываний со значением приказа с позиций коммуникативной несправедливости следует исходить из того, что коммуникативная справедливость является прагматическим феноменом [см. подробнее Новоселова, 2015], а не иллюкативной составляющей высказывания, поэтому как коммуникативно справедливые конструкции, так и несправедливые реали-

зуются по одному и тому же по типовому фрейму «приказ». Важно помнить и то, что интерактивное взаимодействие собеседников само по себе не связано с их стремлением к коммуникативной справедливости или несправедливости, но вклад в диалогический обмен каждого из собеседников может быть оценен другим по шкале «справедливо» – «несправедливо» и эта оценка оказывает существенное влияние на ход дальнейшего взаимодействия, так как коммуникативная справедливость «сопровождает» процесс коммуникативного взаимодействия собеседников, участвует в распределении речевых действий, выступает важным регулятором в установлении отношений между коммуникантами и способствует их синергичному продвижению к решению поставленных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34–47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
2. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а. – № 3. – С. 88–100. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
3. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости и ее семантическое наполнение // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы II Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 28–29 октября 2016 г.). – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 59–61.
4. Новоселова О.В. Феномен «справедливого слова» или о прагматической категории коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016а. – № 1. – С. 62–71. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
5. Романов А.А. О семантической роли пресуппозиций в высказываниях-просьбах // Структурно-семантические исследования на материале западно-европейских языков. Межвузовский сб. научных трудов. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1979. – С. 112–120.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
7. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами // Homo mendax: игра с личностью или игра со смыслами. – М.–Тверь: Золотая буква, ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2004. – С. 3–36.

8. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.–Тверь: ИЯз, ТвГУ, ТГСХА, 2005. – 153 с.

9. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость: прагматический подход // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. – С. 146–151.

10. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: ИЯ РАН, 2009. – 180 с.

Романов Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор

Новоселова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук,

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь, Россия